

Святой Афанасий Александрийский

I. Житие

1. Святой Афанасий родился в Александрии в греческой христианской семье в последние годы III века, вероятно, в 293 году. В юности он был свидетелем Диоклетианова гонения. На изучение светских наук, на общее образование он, по выражению св. Григория Богослова, употребил «не много времени». Однако, он был достаточно знаком с античной философией и прежде всего с неоплатонизмом. Главное внимание он обратил на изучение Священного Писания, которое знал до тонкости. Может быть, он изучал его в Александрийской дидаскалии. Рано он был замечен св. Александром Александрийским, — жил в его доме, под его руководством получил воспитание у грамматиков и риторов и незадолго до начала арианских смут был рукоположен во диаконы и сделался секретарем епископа. Он сопровождал св. Александра в Никею и здесь «с дерзновением восстал против нечестия ариан». Вскоре после собора св. Александр скончался, по-видимому предуказав на Афанасия как на своего преемника. И «все множество жителей, все, принадлежащие к Кафолической Церкви, собравшиеся вместе и единодушно, как бы в одном теле вопияли, зывали, требуя во епископы Церкви Афанасия, и всенародно молили о сем Христа в продолжение многих дней и многих ночей»... (Свидетельство Александрийского собора 339 г). 8-го июля 326 года многочисленными епископами св. Афанасий был посвящен во епископа Александрийского.

2. Все епископское служение св. Афанасия проходило среди гонений и преследований. Из 47 лет своего епископства 15 с лишком он провел в изгнании и ссылке. Ариане и мелитиане встретили его избрание враждой и клеветой. Евсевиане видели в нем главную помеху своим соглашательским стремлениям. На соборе в Тире 335 года св. Афанасий опроверг все возводимые на него обвинения. Но его противники сумели изобразить его перед Константином как виновника и причину смут, и император приказал ему удалиться из Египта на Запад, в Трир. Однако Александрийскую кафедру замещать он запретил. В Трире св. Афанасий был принят с честью и любовью. За недолгое пребывание свое здесь он оказал сильное влияние на церковные круги, и его имя надолго сохранилось здесь в благоговейной памяти. После смерти Константина в 337 году св. Афанасий в числе прочих изгнанников получил разрешение вернуться на свою кафедру и был встречен здесь ликованием народа. Но сразу же возобновились и враждебные происки. Евсевиане обвинили его в незаконном возвращении на кафедру без соборной отмены низложения на Тирском соборе. На его место был прислан арианский пресвитер Пист, рукоположенный во епископа арианином Секундом Птолемаидским, но он был предан анафеме египетским епископатам. Несмотря на единодушную защиту св. Афанасия Александрийским собором 339 года, на Антиохийском соборе 340 года он был низложен, и на Александрийскую кафедру

был возведен Григорий Каппадокиец. Он ворвался в Александрию с вооруженной силой и с кровопролитием захватывал храмы. Св. Афанасий счел полезным удалиться из Египта и отправился в Рим, где на местном соборе был оправдан от взведенных на него клевет и принят в общение. Папа Юлий выступил на его защиту. В Риме вокруг Афанасия собирались ревнители иноческих подвигов, привлеченные славою египетских пустынножителей. В 343 году св. Афанасий был на соборе в Сердице. В 345 году Констанций пригласил его вернуться в Египет, и в 346 году он вернулся в Александрию. В середине 50-х годов возобновились арианские смуты. Под давлением императора Афанасий снова был низложен на соборах в Арле (353) и Милане (355). В начале 356 года в Александрию был прислан военачальник Сириан с приказанием схватить св. Афанасия, но он скрылся и удалился в пустыню. Александрийскую кафедру захватил новый епископ Георгий, и православные подверглись неистовому гонению. На время Александрия становится арианским центром — здесь начинают свою проповедь Аэций и Евномий. Св. Афанасий в это время укрывался в пустыне среди отшельников и в полном уединении. В это время он пишет и рассылает свои главные обличительные и защитительные сочинения. Афанасия все время искали, но напрасно. Из этой вольной ссылки он смог вернуться только при Юлиане в 361 году, но снова ненадолго. Впрочем, за несколько месяцев своего пребывания в Александрии он успел собрать и провести большой собор, знаменитый своими определениями (362 г.). В конце 362 года он снова был изгнан, удалился в верхний Египет и должен был пробыть там до смерти Юлиана. После предварительного свидания с новым императором Иовианом в Антиохии св. Афанасий прибыл в Александрию в 364 г. Еще раз ему пришлось удалиться отсюда в 365 г. в силу указа Валента о ссылке всех, кто был сослан при Констанции и вернулся при Юлиане. По настоянию народа это приказание было отменено через 4 месяца. Остаток дней своих св. Афанасий провел в Александрии в литературных и пастырских трудах. Он почил 3 мая 373 г., незадолго до своей кончины рукоположив своего преемника епископа Петра.

II. Творения

1. К ранним годам жизни св. Афанасия относятся только два сочинения апологетического содержания: «Слово против язычников» и «Слово о воплощении Слова» (вер. 317–319 гг.). Они связаны по темам и по содержанию. Блаж. Иероним соединяет их под общим именем: «Два слова против язычников». В первом доказывалась ложь и ничтожество язычества и намечается путь восхождения к истинному познанию Бога и Слова от самонаблюдения и от созерцания внешнего мира в его гармонии и красоте; в этом рассуждении очень сильны эллинистические, в частности, неоплатонические мотивы (в критике идолопоклонства, в изображении пути падения и возвращения души...). Во втором слове раскрывается истина и смысл воплощения и доказывался доводами от исполнения пророчеств и от нравственного обновления, совершаемого в мире христианском. В заключение св. Афанасий отсылает за подробностями к Писанию, изглаголанному Богом чрез мужей богомудрых и святых, но прибавляет, что «без чистого ума и без подражания жизни святых никто не может уразумевать словеса

святых». В древности было известно много экзегетических творений св. Афанасия. До настоящего времени сохранились только отрывки из толкования на псалмы, на Евангелие Матфея и Луки, — в катенах. Комментарий св. Афанасия имеет александрийский характер с преобладанием нравственных мотивов. В письме к Марцеллину «об истолковании псалмов» Афанасий устанавливает общий взгляд на ветхозаветное Писание. Оно писано единым Духом и писано о Спасителе. Псалмы имеют некую особую и преимущественную благодать, в них совмещаются закон и пророки. И вместе с тем они написаны о каждом из нас — в пример и назидание.

2. Свое богословское исповедание св. Афанасий излагал полемически, в борьбе с арианством. Большинство догматико-полемических творений написано во время третьего изгнания (356– 362 г.). На первом месте нужно поставить три слова против ариан, — присоединяемое к ним четвертое вряд ли принадлежит Афанасию. В первом опровергаются рациональные и экзегетические доводы ариан; св. Афанасий приводит и разбирает здесь ряд выдержек из «Талии» Ария. Второе слово посвящено главным образом истолкованию Притч. VIII, 22 — текста, служившего одним из главных доводов арианствующих в доказательство тварности Сына — Премудрости («*Созда мя в начало путей своих...*»). В третьем слове объясняется смысл Божественного единосущия и значение уничижительных речений Священного Писания о Христе. В то же время написаны четыре послания в Серапиону, епископу Тмуитскому, — о Божестве и единосущии Духа Святого. К более раннему времени относится слово на слова: «*Вся Мне предана суть Отцем Моим*» (343). Подлинность книг «о Троице и о Духе Святом» (сохранилась только в латинском переводе) и «о явлении Бога Слова во плоти и против ариан» подвергается спору. Книга «о воплощении против Аполлинария» не принадлежат св. Афанасию. Догматическое содержание имеют некоторые его послания, среди них — к Епиктету, епископу Коринфскому, к Адельфию исповеднику, к Максиму философу, посвященные христологическим темам.

3. Св. Афанасию не раз приходилось защищаться от клеветы. В оправдание себя он составил три апологии: Апологию против ариан, в которой собраны все документы по делу Афанасия за время первых двух изгнаний (350), Апологию к царю Констанцию (356) и Апологию о своем бегстве при нападении Сириана (357 или 358). Тем же апологетическим целям служат и историко-полемические сочинения св. Афанасия: «История ариан к монахам» (358), «О постановлениях Никейского собора», «О мнениях Дионисия Александрийского» и в особенности «О соборах в Аримине и Селевкие», где рассказана документально вся история противоникейской борьбы (359). Сюда же примыкают соборные послания от имени Александрийских соборов: «Свиток к антиохийцам» (362), «Письмо к африканским епископам» (369) и окружные послания.

4. Единогласное свидетельство современников усваивает св. Афанасию житие преп. Антония, отца монахов. Еще при жизни св. Афанасия оно было переведено по латыни Евагрием пресвитером и потом епископом Антиохийским, вероятно, в 371 или 382 году, во всяком случае до 383 года, когда умер юноша Иннокентий, которому посвящен перевод. Возбужденные со времени Магдебургских центуриаторов сомнения в принадлежности жития св. Афанасию не имеют за собой серьезных оснований. Житие писано вскоре после кончины преп. Антония (356),

по-видимому в 356–357, во время «нашествия ариан», принудившего св. Афанасия скрыться из Александрии в отдаленные места пустыни. Написано оно для «чужестранных братьев», ревнителей аскетической жизни из страны, где монашество только стало появляться, — вероятно, для римских почитателей монашеского подвига. В житии пр. Антония св. Афанасий видит «достаточный образ подвижничеству». На зарождающуюся агиографическую письменность «Житие Антония» оказало сильное влияние, между прочим на Иеронимово житие преп. Павла Фивейского. В недавнее время издана древняя сирийская переработка жития преп. Антония. Аскетическому назиданию посвящены письма св. Афанасия к монахам — Драконтию, Орсисию и Амуну. Подлинность сочинения «о девстве», несмотря на свидетельство бл. Иеронима, подлежит большому сомнению.

5. Особое место среди творений св. Афанасия занимают его пасхальные письма. От греческого подлинника сохранились только незначительные отрывки. В сирийском переводе сохранилось большое их собрание. Эти письма важны для хронологии и для истории эпохи. В отрывке из 39-го послания (367) содержится список канонических книг Священного Писания и к нему присоединен перечень книг, в канон не внесенных, но одобренных отцами для чтения оглашаемых: Премудрость Соломонова, Премудрость Сирахова, Эсфирь, Юдифь, Товия (Маккавейский книги св. Афанасия опускает), так называемое учение Апостолов (Διδάχη) и Пастырь. Здесь впервые перечисляются 27 книг Нового Завета, как единое целое.

III. Догмат искупления

1. В своем богословском исповедании св. Афанасий исходил из созерцания исторического лика Христа, Богочеловека и Спасителя, и тринитарный вопрос о рождении и единосущии Сына Божия для него есть прежде всего христологический и сотериологический вопрос, — не вопрос умозрения, но вопрос живого религиозного опыта. Действительность свершившегося спасения свидетельствует для св. Афанасия о божественности и «единосущии» воплотившегося Слова, ибо только воплощение Единородного может быть спасительным. Смысл спасения он видит в том, что тварное человеческое естество соединилось (или, вернее, воссоединилось) с Богом. И это возможно только тогда, если воплотился и стал человеком Бог. Спасение есть «обожение», (Θεωσις). В этом отношении у св. Афанасия оживает Малоазийская традиция (учение св. Ирины).

2. Св. Афанасий исходит из резкого и решительного противопоставления Бога и твари: «все, что ни сотворено, нисколько не подобно по сущности своему Творцу», ибо тварное возникло из несущих и не может иметь сходства с самосущим бытием. Созданная из ничего, тварь и существует над бездною ничтожества, готовая в нее низвергнуться. Тварь произошла и возникла, и потому есть «естество текучее и распадающееся»; в самой себе она не имеет опоры и устоев для существования. Только Богу принадлежит подлинное бытие и Бог есть прежде всего Бытие и Сущий, ибо Он не произошел и безначален. Однако тварь существует и в своем возникновении получила не только бытие, но и благобытие, — твердую устойчивость и стройность. Это возможно чрез *причастие* пребывающему в мире

Слову. И тварь, озаряемая владычеством, промышленiem и благоустроением Слова, может твердо стоять в бытии как «причастная подлинно сущего от Отца Слова»... Источное Слово Бога всяческих, как Божия сила и Божия Премудрость, есть настоятель, и строитель, и хранитель мира. По неисследимой благодати Своей Бог не попускает твари «увлекаться и обуреваться собственным своим естеством», но собственное и единственное Слово Отчее нисходит во вселенную и распространяет здесь силы Свои, и все озаряет, видимое и невидимое, и все в Себе содержит и скрепляет, все животворит и сохраняет, — каждую отдельную вещь и все в целом. В Слове начало и источник миропорядка и мирового единства. В мире всюду открывается порядок и соразмерность, всестройное сочетание и согласие вещей противоположных. В этом единстве и стройности мира открывается Бог: «Никто не смеет сказать, будто Бог во вред нам употребил невидимость естества Своего и оставил Себя совершенно непознаваемым для людей. Напротив того, Он привел тварь в такое устройство, что будучи невидим по естеству, Он доступен познанию из дел». Бог откровения есть Слово. «Ибо Слово, распростершись всюду, и горе и долу, и в глубину и в широту — горе — в творении, долу — в вочеловечении, в глубину — в аде, в широту — в мире — все наполнило ведением о Боге». В мире на всей твари и на каждой в отдельности «положены *некий отпечаток и подобие*» Божественной Премудрости и Слова, и это сохраняет мир от тления и распада. Эти мысли св. Афанасия напоминают учение Плотина о мироустроющем запечатлении материи Умом, но между ними резкое различие. По мысли Плотина, Ум запечатлевает бескачественную материю и пребывает в ней. Для св. Афанасия самое возникновение и существование твари основано на присутствии к ней Слова. И он резко отвергает стоическое представление о семанных словах (λογος στερματικοι) — начало мирового строя есть Отчее Слово. Возникновение мира и запечатление его Словом не разделяются для него во времени. Он хочет подчеркнуть двойственность твари: есть в ней собственная текущая и созданная природа, и на ней сохраняющий ее отпечаток Слова, чрез который только она и есть, — «природа» и «благодать». На различении и противопоставлении этих двух «элементов» зиждется вся дальнейшая система св. Афанасия. Учение о Слове как Премудрости, миродержавной и творческой, развито им еще до арианских споров. В этом учении он продолжает доникейскую традицию, но совершенно свободен от всякого космологического субординатизма. «Сопребывая со Отцем как Премудрость и взирая на Него как Слово», Сын Божий «созидает, приводит в бытие и благоустроает вселенную и как Сила Отчая поддерживает в бытии всю совокупность твари... Как благое Рождение от Благого и как Сын Истинный, Он есть Отчая Сила и Премудрость, и Слово, — и не по причасию, точно все сие дано Ему извне, как дается Его участникам... Но так, что Он есть Самопремудрость, Самослово, собственная Самосила Отца, Самосвет, Самоистина, Самоправда, Самодобродитель, Отпечаток, Сияние, Образ, — короче сказать: всесовершенный плод Отца, Сын Единственный, неизменяемый Образ Отчий»... И, значить, в Сыне адекватно познается Отец... Впоследствии в разгаре арианских споров св. Афанасий повторил и развил свое учение о Слове. При этом еще теснее связал творческое действие Слова и Его искупительное дело (воплощение), — и то, и другое он объединил в понятие: вход Слова во вселенную. По отношению к твари Слово в Писании именуется Первородным: «как потому,

что Слово, в начале созидавая тварь, снизошло к созданным, чтобы могли придти она в бытие..., так и потому еще, что по снисхождению усыновляется Словом всякая тварь»... Прежде времен вечных положен в основание Сын — в начало путей...

3. В соответствии с общим своим учением о двойственности всякого тварного бытия, в творении человека св. Афанасий различает два (логических, но не хронологических) момента: *творение* (природы человеческой) из ничего и запечатление — помазание ее образом Божиим, *как бы «рождение»* или усыновление — чрез Сына в Духе. По благодати Бог становится Отцом тех, кого сотворил. Тварь усыновляется Отцу чрез причастие Сыну, по естеству оставаясь созданием. Изведенный из небытия человек в самом творении помазуется Духом — «дыхание жизни», которое вдунул Бог в Адама, было не душа, но Дух Святой и Животворящий; и, имея Его в себе, первозданный человек был духовен — был «духовным человеком». Чрез «уподобление Себе» Бог соделал его созерцателем и зрителем сущего, приобщил его к блаженству истинной жизни. Но благодать и дар Духа были приданы первому человеку как-то извне; потому и могли быть им утрачены и были действительно утрачены в грехопадении. В грехопадении человек отвратился от созерцания Бога, уклонился от умного к Нему восхождения, как бы замкнулся в себе, предался «рассматриванию себя». И тогда вспыхнули и разгорелись в нем страсти и пожелания, и распалась, раздробилась его жизнь. Люди впали в «самовожделение», душа от мысленного обратилась к телесному и забыла, что сотворена по образу благого Бога; как-то выйдя из себя самой, она «останавливается мыслию на несущем», воображает его и становится «изобретательницею зла». Ибо зло есть несущее, не имеет образца для себя в сущем Боге и произведено человеческими примышлениями. Множество столпившихся в душе телесных вожделий заслоняет в ней то зеркало, в котором она могла и должна была видеть Отчий образ. Она не видит уже и не созерцает Бога Слова, по образу Которого сотворена, но носится мыслию по многим вещам и видит только то, что подлежит чувствам. Это — некое опьянение и кружение ума... Преступление заповеди лишило первозданного человека мысленного света, возвратило его в «естественное состояние» и чрез это поработило его «естественному» закону тления. Осуетилась мысль, отравленная чувственным пожеланием. И стало человечество погружаться в мрак язычества.

4. В грехопадении обеднел человек, расторглась природа и благодать. И понадобилось воссоединение, «обновление» твари, «обновление созданного по Образу», восстановление утраченной благодати Божия Образа. Слову, как Творцу, или демиургу, «подобало воспринять на Себя и обновление дел». И это совершилось: *Слово плоть бысть...* Воспринято Словом все человеческое естество, и в этом восприятии оставаясь подобным нам, оно просветлевает и освобождается от естественных немощей, «как солома, обложенная каменным льдом, который, как сказывают, противодейственен огню, уже не боится огня, находя для себя безопасность в несгораемой оболочке»... Обреченное «по природе» на тление, человеческое естество было создано и призвано к нетлению. Изначальное причастие «оттенкам» Слова было недостаточно, чтобы предохранить тварь от тления. Если бы за прегрешением не последовало бы тление, то было бы достаточно прощения и покаяния, ибо «покаяние не выводит из естественного состояния, а прекращает только грехи». Но смерть привилась к телу и возобладала

в нем... Конечно, по всемогуществу Своему Бог мог единым повелением изгнать смерть из мира. Но это не исцелило бы человека, уже обывшего неповиновению. И справедливость Божия не была бы при этом соблюдена. В таком прощении сказало бы могущество повелевшего, но человек стал бы только тем, чем был Адам, и благодать была бы подана ему снова извне. Не была бы тогда исключена случайность нового грехопадения. А чрез Воплощение Слова благодать сообщается человечеству уже непреложно, делается неотъемлемой и постоянно пребывает у людей. Слово облачается в тело, чтобы переоблачить его в жизнь, чтобы не только предохранить его внешним образом от тления, но еще и приобщить его к жизни. Ныне «облечено тело в бесплотное Божие Слово и таким образом уже не боится ни смерти, ни тления, потому что оно имеет ризу жизнь и уничтожено в нем тление...» Слово изначала пребывало в мире, как в некоем великом теле, устрояя и оживотворяя его. И было прилично явиться Ему и в человеческом теле, чтобы оживотворить его. На человеке был уже начертан лик Слова и когда загрязнился он и стал невиден, «подобало восстановить его». Это и совершилось в Воплощении Слова.

5. Слово стало человеком, во всем подобным нам. Св. Афанасий обычно говорит о «воплощении», но под «плотию» он всегда понимает полного человека, одушевленное тело со всеми ему свойственными чувствами и страданиями... В силу соединения со Словом тело освобождается от своей тленности и немощи «по причине бывшего в теле Слова». Животворящая сила Слова освобождала тело Спасителя от естественных немощей, — «Христос алкал по свойству тела, но не истаивал голодом»... Тело было «удобостраждущим», доступным страданиям, но в нем было бесстрастное Слово, и немощи приражались к телу по поущению и по воле Слова, а не по необходимости и против воли. Господь попускал сказываться всему свойственному телу — алкать и плакать, и даже принять смерть. Но смерть Господа была поущением Его смирения и любви, не необходимостью. Он был властен разлучиться с телом, и оно могло умереть. Однако не могло уже пребыть мертвым, «потому что соделалось храмом жизни»... Поэтому оно сразу же ожило и воскресло — «по силе обитающей в нем Жизни». Тело не связывало Слова, но само освобождалось в Нем от своей ограниченности, и не только от ограниченности, но и от склонности ко греху. Ибо силою неизменяемого Слова само изменяемое человечество во Христе пребыло неизменяемым в добре, и все обольщения были над ним бессильны. «Человечество преуспевало Премудростью, постепенно возвышаясь над естеством человеческим, обожаясь, соделываясь и являясь для всех органом Премудрости для действительности Божества и его воссияния»... «Дела, своественные Самому Слову, совершались посредством тела». И в этом служении делам Божества обожалась плоть. Человеческое преуспевание было во Христе непогрешительным... Человеческое естество во Христе было изобильно помазано Духом уже при крещении во Иордане. И от Него и мы стали принимать помазание и печать и вселение Духа, так как в Нем первом освятилась плоть. Просияние человеческой природы во Христе есть просияние всей человеческой природы в ее Начатке. Таким образом Слово чрез воплощение снова становится («создается») в начало путей, — потому и именуется Первородным... Господь «стал братом нашим по подобию тела»; и Его плоть «прежде иных спаслась и освободилась»... Как «сотелесники Его», и мы спасаемся или оживотворяемся, «потому что плоть наша

уже как бы не земная, но Самим Божиим Словом приведенная в тождество со Словом, Которое ради нас плоть бысть»... Искупление и спасение совершилось не только в Воплощении. Оно продолжалось во всей земной жизни Господа. Господь двояко явил Свое человеколюбие: уничтожил смерть, обновил естество и — «явил Себя в делах», показал, что Он есть Отчее Слово, Вождь и Царь вселенной. Своим видимым явлением Господь показал людям, отпавшим от мысленного созерцания, невидимого Отца. Исполнением закона Он снял с нас клятву и осуждение закона. Но «тление не могло быть прекращено в людях иначе, как только смертью», и потому собственно в смерти надлежит видеть «последнюю цель» спасительного Воплощения... «Для принятия смерти имел Он тело, и не прилично было воспретить смерти, чтобы не воспрепятствовать и Воскресению»... Крестная смерть была «приношением сходственного», исполнением общего долга. Но «тело Господа» не могло быть удержано смертью, и — воскресло; «чудным образом в одном и том же совершилось двоякое, — и смерть всех приведена была в исполнение в Господнем теле, и уничтожена в нем смерть и тление ради соприсущего в нем Слова»... Господь умер не по немощи естества, но по воле, ради общего воскресения, «не собственную смерию сложил с себя это тело, но принял смерть от людей, чтобы и эту смерть, коснувшуюся к телу Его, истребить совершенно». Тело Господа не видело тления и воскресло всецелым, ибо было телом самой Жизни. Смерть Господа была действительной смертью, но недолгою: «тело Свое ненадолго оставил Он в таком состоянии, только показал его мертвым от приражения к нему смерти, и немедленно воскресил его в третий же день, вознося с Собою и знамение победы над смертью, то есть явленное в теле нетление и непричастность страданию». И во Христе воскресло и вознеслось и все человечество, — «через смерть распространилось на всех бессмерие». Восстал от гроба Господь «в плоти обоженной и отложившей мертвенность», прославленной до конца, — «и нам принадлежит сия благодать и наше это превознесение»; и вводимся мы уже в небесную область, как сотелесники Христа... Учение св. Афанасия об искуплении есть в целом *учение о Воскресении*, о воскрешении человека Христом и во Христе.

6. Священное Писание возвещает нам о Спасителе две истины: что Он всегда был Бог, Сын и Слово, и что Он стал человеком. Отсюда двойственность речений в Писании: славных и уничижительных. Последние относятся к человечеству Христову... Слово не просто «восхотело быть в теле» или «явиться» в нем, не только снизошло в человека, но *стало человеком, соделалось* Сыном человеческим. У Афанасия встречаются нередко неполные и неточные выражения: облекся или обитал, храм, обитель, орган... Но он резко отличает явление Слова во Христе от явления и пребывания Его во святых. Христос *стал* человеком. Во Христе видимое тело было телом Бога, не человека. Он сделал тело своим «собственным»; и немощи плоти стали «собственными» Слову. Дела Христовы не были раздельны, так чтобы одно совершалось по Божеству, другое — по человечеству, но «*все совершалось совместно*» и нераздельно... Самое плуновение Христа было божественным (и потому целебным, животворным), ибо все плотское «усвоило» Себе воплощенное Слово. Не *иной* скорбел о Лазаре и не *иной* воскресил его, но *Один и тот же*. И от Девы родился во плоти Бог, и Мария есть Богородица, *Θεοτοκος*. Не пременялось и не приложилось в иное при этом Слово, и не стала

плоть, рожденная от Марии, единосущной Слову... Для того и избирается Мария, чтобы «от нея» восприял Господь тело, «подобное нам», а не единосущное Божеству. «От Марии Само Слово прияло плоть, и произошел человек, по естеству и по сущности сущее Божее Слово, а по плоти от семени Давидова и от Марииной плоти соделавшийся человек»... В описательных выражениях св. Афанасий ясно раскрывает *единство* Христа — Богочеловека и *неслиянную двойственность* в Нем единосущного Отцу Божества и подобного и сродственного нам человечества. Именно по этому и был Он Спасителем, Слово и Второй Адам — Один и Тот же.

7. Слово вочеловечилось, чтобы мы «обожились», «чтобы *обожить нас в Себе*». Обожение есть усыновление Богу, «чтобы сыны человеческие соделались сынами Божиими». И мы, «восприятые Словом, обожаемся *ради плоти Его*», то есть в силу Его воплощения. Ибо не с одним каким-либо человеком соединилось Слово в рождении от Девы, но с человеческим естеством. И потому все совершающееся в человечестве Христовом *непосредственно* (но не принудительно) распространяется на всех людей, как «сродников» и «сотелесников Его», в силу не только подобия, но и действительного сопричастия всех людей в человечестве Слова. Ибо Он есть лоза, а мы — ветви, «соединенные с ним по человечеству». Как ветви *единосущны* с виноградною лозою и от нее происходят, так и мы, имея тела, однородные с телом Господним, от исполнения Его приемлем; и тело Его есть для нас «корень воскресения и спасения». Общее обновление, помазание, исцеление, вознесение уже совершилось во Христе, ибо *все понесены Им на Себе*. Это не простое «сходство» или замещение, но подлинное единство. И потому во Христе все человечество помазуется Духом на Иордане, умирает на кресте и совоскресает в нетлении *в Нем*, «потому что носит Он на Себе *наше тело*»... Но это соучастие и сопричастие человечеству Христову должно еще раскрыться и осуществиться в подвиге людей. Чрез восприятие плоти Словом человеческое естество становится «духоприемным» и действительно принимает Духа, становится «храмом Божиим», храмом живущего в нас Духа Святого; мы становимся «друзьями Духа»... И в принятии даров Духа мы соединяемся со Христом, — «напоеваемые Духом, пием Христа». Ибо «Дух, как помазание, есть дыхание» Сына, и в Нем «Слово прославляет тварь, обожая и всыновляя, приводит ко Отцу». Духом Святым Слово все запечатлевает и помазует, в Духе «мы становимся причастниками Божеского естества». Дух есть «энергия» Слова, и потому вселете Слова есть стяжание Духа. Слово восприяло плоть («Бог плотоносец»), и люди принимают Духа, становятся «духоносными». Силою Духа в человеческом естестве перегорает чувственное вожеление, изгоняется из него греховное влечение и сообщается способность «не обольщаться видимым». Дьявол теперь (после Христа), «по Христовой силе, как воробей, служит игралищем для детей». Дана человеку власть над бесами и искушениями; и крестным знаменем, как знаком победы, прекращается всякое волшебство и чародейство, и демоны изобличаются, что они мертвы. Но главное и основное, — исторгнуто из твари жало смерти. Восприятые Словом, люди «уже наследуют вечную жизнь» и «не остаются уже грешными и мертвыми по своим страстям, но, восстав силою Слова, навсегда пребывают бессмертными и нетленными». Смерть перестала ужасать и быть страшной, ибо дано обетование, что, восстав из мертвых, мы во Христе совоцаримся да небесах. И сейчас уже доступно преодоление мира в подвиге

отречения, помазуемого Духом. Этот путь проходят христианские подвижники, силою Духа побеждающие немощь естества, постигающие тайны и носящие Бога. Их подвиг свидетельствует о победе Христа над смертью, — такое множество мучеников ежедневно о Христе преуспевает и посмеивается над смертью... И пусть сомневающийся приступит ко Христу с верою, и тогда увидит он немощь смерти и победу над ней. Ибо Христос в каждого входящего «вдыхает силу против смерти»... Положен Камень краеугольный, «чтобы и мы могли быть надстраиваемы на Нем, как драгоценные камни». В обожении полагается и основа совершенного союза любви между людьми по образу и примеру Божия единосущия, — силою Духа.

8. Искупление есть завершение и восстановление творения и потому есть дело Слова. Но в нем дается больше, «большая благодать», чем простое возвращение к первоначальному состоянию, чем простое восстановление утраченного в грехопадении. *Ибо Слово плоть бысть...* И человек непреложно стал «сожителем Бога». Тление упразднено. Тварь получила окончательную устойчивость чрез «тело Бога». Создалась новая тварь. И об этом было открыто в Писании в именовании Его «Первороденным» и «началом путей». *«Прежде холмов рожденная»* Премудрость Божия *«создается в начало путей»*. (Притч. 8; 22, 25). Это — предвечный совет о творении и искуплении Словом и в Слове, о спасительном вочеловечении Слова, как начатка «новой твари», превосходящей «первоначальную тварь». И во втором пришествии Христовом исполнится всякое смотрение Божие: Христос придет во славе — «воздать всем плод Креста Своего — воскресение и нетление»...

IV. Истина троического единосущия

1. К богословскому раскрытию тайны Троичности св. Афанасий был вызван арианской смутой. И в своих творениях он прежде всего разбирает и опровергает арианские доводы и ссылки на Писание. Но вместе с тем троическое исповедание является для Афанасия внутренней потребностью, как обоснование веры и упования на спасение. Арианское лжеучение ниспровергает все дело Христово. Тварь не могла бы открыть истинного Богопознания, не могла бы победить смерти, не могла бы соединить нас с Богом. «Если бы Слово, будучи тварью, соделалось бы человеком, то человек не обожился бы, не сочетавшись с Богом»... Только в *единосущном* Сыне обретает человек общение с Богом. И только *единосущный* Дух соединяет нас со Отцом. В догмате единосущия св. Афанасий защищал действительность спасения.

2. В раскрытии троического догмата св. Афанасий исходил из понятия о Боге, как всеблаженной полноте бытия. Простое, блаженное и непостижимое Существо, но высшее всякой сущности, Бог выше и всякого человеческого помышления. Учение о совершенной простоте и внутренней полноте Божественного бытия и жизни является для св. Афанасия твердым основанием при раскрытии истины *вечного* рождения и *единосущия* Единородного, Сына и Слова. Слово есть *рождете* Отца и рождение сущности и *из сущности*, — «собственное рождение сущности». Ибо всякое рождение — из сущности, и рождаемое всегда единосущно

рождающему, — в этом основная и отличительная черта рождения, его своеобразие в отличие от других способов происхождения и прежде всего от творения. Творение всегда совершается либо из некоего предсуществующего материала, либо из ничего; и сотворенное всегда остается внешним для творящего или созидающего, на него не похожим, ему не подобным, «иносущным»... Сын рождается, ибо бытие Его принадлежит к необходимости божественной природы. Она плодородна, плодородна сама по себе. «Сущность Отца никогда не была недовершенной, так чтобы нечто к ней принадлежащее привзошло к ней впоследствии»... Отрицание вечности Сына и его совечности Отцу есть хула не на Сына только, но и на Отца, умаление Отчего достоинства, отрицание Божьей неизменяемости. Это значит допускать, что «был Он некогда без собственного Своего Слова и без Премудрости, что был некогда свет без луча, был источник безводный и сухой». Но «неисточающий из себя не есть уже источник»... Бог вечен, источник вечен, а потому вечною должна быть и Премудрость — Слово, вечным должно быть рождение. Если не было некогда Сына, то не был некогда Бог Отцом и, стало быть, не было Троицы; но «было, когда не было Троицы, а была Единица, и некогда была неполная Троица, некогда же стала полною». Это значит рассекать и составлять Троицу и составлять Ее из несущих, «из сторонних между собою естеств и сущностей». Это значит Самую Троицу почитать возникшей («сотворенной», созданной), сложной сложившейся чрез приращение и присовокупление. Этим рассуждением св. Афанасий старается вскрыть «тайну» арианства, как отрицания Троичности или Триединства Божия. Действительно, арианство есть рецидив отвлеченного монотеизма, отречение от высшей новизны христианского откровения, — от истинного ведения о Боге, как Пресущей Троице... В неизменяемости Своей Отец *всегда был Отцом*, — подчеркивает св. Афанасий, — Отцом «собственного Сына». Из отношений Отца и Сына должна быть исключена всякая последовательность, всякая «продолжительность» или «расстояние» между ними. Здесь полная и всесовершенная *совечность*. Здесь исключается всякое «некогда» и «когда». Ибо нельзя временными определениями означать вечного и неизменного Бога, Сущего, всегда пребывающего Отцом Сына. Эта вечность и совечность и означает, что Сын есть рождение, а не творение. Если рождение, то из сущности, $\epsilon\kappa\ \tau\eta\varsigma\ \omicron\upsilon\beta\iota\alpha\varsigma$, и потому единосущное — $\omicron\mu\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\upsilon\nu$. «Что происходит от кого-либо по естеству, то есть истинное рождение», «естественное рождение». Рождение совершается «по природе», — а не по воле, не по хотению. Необходимость Божественного рождения не означает принудительности или произвольности. Св. Афанасию бросали этот упрек, и он его обстоятельно опровергает. Его мысль не в том, что свободу хотения он заменяет принуждением, но, говорить он: «выше и первоначальнее свободного избрания *то, что в естестве*», что поэтому не имеет начала, с которого оно стало быть, что не может и не быть. Бог не начал и не начинал быть благим и милосердным, и не требовалось Его изволения, чтобы стать таким, ибо Он *есть* Благо. И однако Он благ не по принуждению и не против воли. Точно так же не требуется совещания и изволения, чтобы быть Богу Отцом, и нельзя даже помыслить, что Бог мог и не иметь Сына. Желанна Отцу его собственная Ипостась и желанен Отцу Его собственный Сын, сущий от Его сущности. *Бытие первее воли*, а только в воле есть неопределенность возможностей и выбора. Рождение Сына есть скорее *состояние*

внутрибожественной жизни, нежели действие или акт. И отсюда совершенная близость и единство Отца и Сына. Отец — в Сыне и Сын во Отце. И «сущность Отца принадлежит Слову». «Всецелое бытие Сына собственно принадлежит Отчей сущности... Бытие Сына будучи от Отца и есть во Отце. И Отец в Сыне. Ибо что собственно от Отца, то Сын. Он в Сыне, как в сиянии солнце, как в слове ум, как в потоке источник»... И потому Сын есть «образ Отчий», истинный и «неотличный Образ», «начертание Божества», в котором созерцается и познается Отец. И как скоро есть Отец, есть и Сын»... «Поелику была Ипостась (Отца), то без сомнения тотчас же надлежало быть и Ее Образу и начертанию, потому что не во вне пишется Образ Божий, но сам Бог есть родитель сего Образа, и видя Себя в Нем, радуется о Нем»... «Когда же Отец не видел Себя Самого в Образе Своем?». В этих рассуждениях св. Афанасия творчески претворяются неоплатонические мотивы; и вместе с тем он освобождает учение Оригена о вечном рождении Сына от мотивов субординатизма. Он раскрывает учение о св. Троице, как учение о замкнутой или завершённой полноте Бытия и Жизни, вне всякого отношения к Откровению Бога в мире, как безусловный и онтологический *prîus* всякого Откровения.

3. Св. Афанасий исходит из созерцания живого единства Отца и Сына. «Божество от Отца неизливаемо и неотлучно пребывает в Сыне, и в лоне Отчем никогда не истощается Божество Сына»... Отец и Сын едины и едины в единстве сущности, в «*тождестве естества*», — в нераздельном «*тождестве единого Божества*». Сын имеет неизменно Отчую природу и Божество Сына есть Божество Отца. Св. Афанасий любил выражать это тождество словом: *ιδιότης* — собственность или свойственность. Но самым точным он считал Никейское речение: Единосущный *ομοουσιος*. Это означает больше, чем только равенство, одинаковость, подобие. Для св. Афанасия оно означает строгое единство бытия, тождество нерасторжимое и неизменное, неслиянную неотъемлемость Сына от Отца. Подобие и сходство, совпадение в определениях есть уже следствие этого единства. Понятие подобия слишком бледно и к тому же о сущностях оно не скажется, но о внешнем виде и качествах. В этом понятии при том предполагается чрезмерная раздельность сравниваемых и уподобляемых. Единосущие означает не только подобие, но тождество в подобии. «Отец и Сын одно не в том смысле, что одно разделено на две части, которые составляют собою одно, и не в том смысле, что одно поименовано дважды. Напротив, два суть по числу потому, что Отец есть Отец, а не Сын, и Сын есть Сын, а не Отец; но естество — одно. Если Сын есть иное, как рождение, Он есть то же как Бог»... Отец и Сын «суть два и вместе нераздельная и неразличимая единица Божества», *μονας τῆς Θεότητος*. Различение и различие Отца и Сына имеют место внутри единого Божественного Бытия. У св. Афанасия нет особых терминов для обозначения Трех в единице Божества. Слово *πρωτοβουλον* в учении о Троице он никогда не употребляет. Слово *υποστασις* для него совпадает по смыслу с *ουσια*, как и для Отцов Никейского собора. Во всяком случае он никогда не различал их так, как еще при его жизни стали различать каппадокийцы. И потому он ограничивается собственными именами Отца, Сына и Духа и поясняющими их взаимное отношение определениями: Рождающий и Рождаемый, «тот, кто от кого-либо» и «тот, от кого Он» и под... Отсюда известная бледность в выражении ипостасных различий. Все внимание св. Афанасия

сосредоточено на обличии рассекающих или отрицающих единосушие нераздельной Троицы. Он хочет со всею силою подчеркнуть внутрибожественный и преискренний смысл и характер Божественного рождения и бытия Слова. В этом смысле он разъясняет речения Никейского символа: «из сущности Отца». Оно выражает «истинность и непреложность» Сыновства, «Неотдельность и единство со Отцем», «Истинную вечность Сущности, от Которой рождено и Слово». Поэтому св. Афанасий говорит в том же смысле о «естественном рождении», о «Сыновстве по природе», о «рождении по естеству»...

4. Собственное Слово Отчее, Сын Божий, есть по преимуществу Творец и строитель мира, начало Божественного Откровения в мире — «есть, как из источника, из Отца льющаяся жизнь, которою все оживотворяется». Вся тварь пришла в бытие чрез Слово, и ничто не существует помимо Слова, и ничто иначе как Словом не создается. Отец ничего не творит без Него. И вместе с тем самое бытие и рождение Сына не связано с изволением Божиим о создании мира, и не потому рождается Сын, что должно чрез Него и в Нем творить мир. «Не ради нас получило бытие Божее Слово... Не по нашей немощи Он, как мощный, получил бытие от единого Отца, чтобы им, как орудием, создать Отцу и нас... Если бы угодно было Богу и не созидать твари, тем не менее было Слово у Бога и в Нем Отец»... Для бытия Сына нет причины: «как Отец имеет бытие не по какой-либо причине, так не надобно доискиваться причины и Его сияния. Посему паписано: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*. И не прибавлено, для чего сие»... И Господь не имеет никакой причины быть Словом, кроме того, что Он — Отчее Рождение и едиnorodная Премудрость. Эта «беспричинность» означает ничто иное, как вечность и бытие. Причины бывают только для возникающего, для происходящего. Но Божественное Бытие вполне безвначально, о нем можно говорить только: *есть*... Этим исключается всякая возможность спрашивать о причинах, — нет ничего, что было бы раньше этого: *есть*... Со всею решительностью св. Афанасий опровергает учение ариан о Слове, как Посредник, и показывает его бесцельность. Бог не нуждается в содействии и помощнике, — единым мановением воли Он может все совершить. В Боге нет кичливости и брезгливости, чтобы творение поручить другому, почитая это недостойным Себя. Бог не нуждается и в орудиях, чтобы творить, подобно плотнику, который не может обойтись без пилы и топора. И с другой стороны, если недостойно Бога творить, то почему достойно ему создать хоть единую тварь во орудие Себе. Не потребуется ли для создания посредника новый посредник и т. д. до бесконечности, но тогда творение вовсе невозможно. А если Бог вообще может творить, то к чему посредник?... Сын рождается не для Откровения, но Откровение Божее совершается в Нем и через Него. Бытие Сына предваряет творческое изволение о мире. «Для Бога созидать есть второе, а первое — родить», «иметь сродное естеству и быть Отцом собственного Сына»; «и если бы не было в Боге первого, что от естества, то как могло бы быть в Нем второе, что от изволения?». Созидаемое по Божией воле «приходит в бытие, составляясь изне, и зиждется собственным от сущности Божией Рождением». Слово есть Слово зиждительное и творческое, «живая Отчая воля, существенная энергия». Но творение есть вместе с тем и общее дело, и общее Откровение всей Троицы, всецело творящей и зиждительной. «Отец творит все Словом в Духе, ибо где Слово, там и Дух. И

творимое Словом имеет от Духа чрез Сына силу бытия». Все «даруемое подается в Троице», — и самое бытие.

5. По свидетельству св. Григория Богослова, в учении о Духе Святом, «Афанасий первый и один или с весьма немногими дерзнул стать за истину ясно и открыто, на письме исповедав единое Божество и единую сущность Трех»... И действительно, учение о Святом Духе раскрыто у св. Афанасия с исключительной четкостью и силой. Он исходит из понятия о полноте и совершенном единстве святой Троицы, — «вся Троица есть единый Бог». «Она нераздельна и Сама Себе подобна», тождественна и сосредоточена в Себе. «Есть святая и совершенная Троица, познаваемая во Отце и Сыне и Святом Духе, не имеющая ничего чуждого или приданного извне»... Троица не по имени только или по образу выражения, но в самой истине и существенности есть Троица. Одно из двух: либо Дух есть тварь и тогда нет Святой Троицы, ибо «что же это за Богословие, слагаемое из Создателя и твари?». Либо Бог троичен, и тогда совершенно не подобен тварям Дух, «собственный единому Слову, собственный и единосущный и единому Богу» (т.е. Отцу). При таком союзе и при таком единстве во Святой Троице, кто станет отделять или Сына от Отца, или Духа от Сына и от Самого Отца... Ибо в Них, в Отце и Сыне и в Самом Духе, — едино Божество... Дух Святой есть начало обновления и освящения, Дух жизни и Дух Святыни, Помазание и Печать. Ради Духа мы все именуемся причастниками Божиими. И если бы Дух Святой был тварь, то нам невозможно было бы приобщиться Бога: «сочетавались бы мы с тварью и соделывались бы чужды Божественного естества, как нимало Его не причастные». Действительность обожения свидетельствует о божественности Духа: «если Дух творит богами, то нет сомнения, что естество Его есть естество Божее»... Дух Святой исходит от Отца, есть «исхождение» Отчее, то *εκ τοῦ πατρὸς*, есть Дух Отчий. Святой Афанасий не разъясняет смысла «исхождения», ссылаясь на пределы человеческого ведения, но резко различает этот образ бытия от «рождения», подчеркивая совершенную единственность рождения. Сын — Единородный и потому единственный, — «и единый Отец есть Отец единственного и единого Сына». Это более, чем простое разъяснение слов. Только в Божественной Троице есть подлинное и непреложное Отчество и подлинное и непреложное Сыновство. Ибо только Сын Божий есть именно и только Сын, — рожден, как Сын, а не для того, чтобы стать отцом, как то бывает при тварных рождениях. И Отец есть только Отец, «ибо Сам не от отца»... Дух не рождается и потому не именуется братом Сына, но всегда нарицается только именем Духа Святого... И вместе с тем Дух «не вне Сына, почему называется Духом сыноположения», Духом силы и премудрости, — а Божия Сила и Божия Премудрость есть Христос. «Где Слово, там и Дух», Дух имеет «то же единство с Сыном, какое Сын со Отцем», и то же свойство. Где свет, там и сияние. Где сияние, там его действие и светозарная благодать. Дух есть «собственный Образ Сына», Его «живая действенность и сияющая благодать». Он соединяет тварь со Словом и в Нем Слово подает твари «Отчее дарование», «ибо действует и раздает все Сам Отец чрез Слово в Духе»... Св. Афанасий в своем исповедании о Духе Святом стремится показать совершенное единство и единосущие Святой Троицы и единство Троического действия, единство освящения. Поэтому с особенной настойчивостью он говорит о нераздельности действия Сына и Духа.

6. Спасительно святое крещение, совершаемое по преданной вере во имя Святой Троицы, единой и нераздельной. Тайноводство совершается во имя Святой Троицы, и «кто отъемот что-либо от Троицы и крещается в одно имя Отца или в одно имя Сына без Духа, тот ничего не приемлет, но и крещаемые, и тот, кто мнит себя преподающим крещение, остаются пустыми и непосвященными»... Арианское крещение «во Творца и тварь, в Создателя и в проиведение», несмотря на наружно произносимые уставные Слова, «имеет только мнимый вид». Ибо со словами должна соединяться правая вера... Крещение совершается во имя Святой Троицы, ибо от Троицы подается благодать: «Бог не как недостаточествующий, но как Отец Премудростью Своею основал землю, все сотворил Сущим от Него Словом, и святую купель утверждает Сыном же... И как что ни делает Отец, делает чрез Сына, так и в преподаваемом крещении кого крещает Отец, того крещает Сын, и кого крещает Сын, тот святится Духом Святым». Ибо едино Троическое действие...